

которое произошло в 1698 году. Так, еще в 1701 году в ведении Стрелецкого приказа числилось 7624 стрельца.¹

На основании вышеизложенного мы считаем, что толковать слова „Повести“ „солдаты были разданы по стрелецким полкам в дополнку“ следует в связи с теми реформами в войске, которые были произведены в самом конце XVII века.

Сцены солдатского набора и обучения, изображенные в „Повести“, создают такое впечатление, что этот набор был произведен в широком масштабе. Здесь речь идет не о тех шести полках, которые были набраны для Смоленской войны 1632—1634 годов. В „Повести“ чувствуется насыщенность военной атмосферой. В ней обучение солдат новому строю рассматривается не как новинка, а как нечто обычное. В Шве, где находятся Савва с бесом, войска обучает сначала русский „инструктор“, которым является Савва, а уже в Москве — немецкий полковник. Значит, предполагается уже знакомство русских людей с новым строем, раз они сами могут руководить обучением. С другой стороны, способ комплектования — набор вольных людей в широком масштабе (бес говорит Савве: „запишемся и мы в солдаты“) — стал практиковаться лишь в конце XVII века, когда при наборе войска для азовского похода Петром I был издан указ о приеме „охочих людей“ даже из числа холопов без разрешения их господ, приведший в немалое смущение и беспокойство дворянство, как это видно из записок Желябужского.² Однако по-настоящему массовый набор „охочих людей“, когда „кликали вольничу в солдаты“, стал практиковаться еще позднее — в Северную войну, когда было „прибрано“ 29 новых полков, по 1000 человек к каждому (правда, в них были, кроме „вольных людей“, и „даточные“ — рекрут).³ Это ополчение по своей дисциплине было еще далеко от настоящей регулярной армии. Нарвская битва показала малую пригодность этого войска и повела к созданию настоящей регулярной армии путем постоянного обучения периодически поставлявшихся рекрутов.

„Повесть“ содержит в себе данные для характеристики солдат именно с такой стороны: во-первых, Савва с бесом по своему желанию уходят из армии, потом, по возвращении в Смоленск, снова вступают в нее, а затем совсем бросают войско под Смоленском и уезжают в Москву. Автор „Повести“ говорит об этом, как о чем-то обычном, не видит в этом никакого нарушения дисциплины. Во-вторых, в ротах, или „командах“, по терминологии „Повести“, происходят волнения; снабжение армии не координировано, оно находится в руках отдельных командиров. Это напоминает состояние регулярной армии в самом начале Северной войны и ту характеристику, которую ей дал сам Петр.

Таким образом сравнение той части „Повести“, которая касается военного быта, с фактами из этой области приводит к заключению, что черты действительности, имеющиеся в ней, гораздо ближе к началу XVIII века, чем к XVII веку. Кроме того, штрихи, которыми она рисует личность царя Михаила Федоровича, в действительности скорее можно отнести к Петру I. В самом деле, воинские успехи Саввы становятся известны самому царю; бес говорит Савве: „царь узнает твою службу и повысит тебя в чине“. Эту и подобные ей фразы, подразумевающие

¹ П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. Изд. 2-е, СПб., 1906, стр. 104; Н. Г. Устрилов. История царствования Петра Великого, т. III. СПб., 1858, стр. 243—244; т. IV, ч. 2, СПб., 1863, стр. 467.

² Записки Желябужского. СПб., 1840, стр. 150.

³ М. М. Богословский. Петр I, т. IV, 1947, стр. 177.